

Вл. А. ЛУКОВ

Культ писателя

Слово «культ» применительно к писателю, в сущности, никогда не выступало как термин. Более того, оно вызывает раздражение исследователей-филологов и культурологов своей очевидной связью с миром «массовой культуры», в рамках которой постоянно то один, то другой писатель объявляются «культовыми» наряду с подобными характеристиками фильмов, спектаклей, актеров, режиссеров, музыкантов

и т. д. Так, на слуху определения «культовый», дававшиеся Д. Сэлинджеру в связи с романом «Над пропастью во ржи», К. Кизи в связи с романом «Полет над гнездом кукушки» (также как одноименному фильму, его режиссеру М. Форману, исполнителю главной роли Д. Николсону), С. Кингу в связи с грандиозной серией романов «Темная башня», Р. Пирсигу в связи с романом «Дзен и искусство ухода за мотоциклом» и др.

Статья выполнена в рамках проекта «Россия и Европа: диалог культур во взаимоотражении литератур», осуществляемого при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) (грант 06-04-00578а).

Можно заметить, что некоторые писатели становятся в массовом сознании «культовыми» после появления одного произведения (как было с автором «Бойцовского клуба» Ч. Палаником), других награждают этим титулом за саму личность (например, Д. Керуака, А. Гинзберга, Ж. Жене). Крупнейшие писатели современности не обретают этого титула вовсе (допустим, М. А. Шолохов, У. Фолкнер, Г. Гарсиа Маркес) или (как Э. Хемингуэй, У. Эко, Ю. Мисима) лишь в определенном контексте. Присуждение писателю высших литературных наград, например, Нобелевской премии, — почти полная гарантия того, что он не входит в число «культовых».

Еще одно наблюдение. Большинство «культовых» писателей — американцы. Русские писатели могут претендовать на эту характеристику почти исключительно в нашей стране. Абсолютное большинство «культовых» писателей сосредоточено в XX веке, теперь и в начале XXI века, писатели более раннего времени объявляются «культовыми» исключительно редко (маркиз де Сад, О. Уайльд).

В массовом сознании понятие «культовая фигура» интуитивно сопоставляется с представлениями о «знаковой фигуре» и о «звезде».

В случае со «знаковой фигурой» ситуация достаточно ясна. Это, вероятнее всего, более мягкий, более осторожный синоним «культовой фигуры».

Сопоставление с понятием «звезда» менее прозрачно. Это не антонимы, но в то же время и не синонимы. Общее у них — то, что может быть охарактеризовано как «модное». Но есть весьма существенные различия. «Звезда» претендует на всеобщее признание, «культовая фигура» признается более ограниченным числом почитателей, функционирует не в массовой культуре, а в той или иной субкультуре, в нее входящей. Но какой? Это вопрос для будущих культурологических и социологических исследований. Пока заметно лишь то, что «культовость» наиболее актуальна для молодежной аудитории, люди старших поколений нередко даже к слову «культовый» испытывают недоверие, доходящее до неприязни. «Звезда» неизбежно связана с промоушном, «рас-

круткой», «культовая личность» менее связана с промоушном, ее известность базируется не столько на индустрии рекламы, сколько на фольклорном принципе передачи информации.

Наконец, самое существенное: в ходе анализа понятия «культовый» (будь то писатель, политический деятель, музыкант, произведение и т. д.) выясняется, что дело не в известности, моде, таланте, поклонении (хотя в имплицитном виде все это учитывается), а в том, что «культовое» явление предписывает определенные законы, правила, формы поведения, определенный стиль жизни и мышления.

«Культовый писатель» — представление, которое необходимо также сопоставить с представлением о «культе писателя». Кажется, что они практически тождественны, но это далеко не так. Достаточно подставить конкретные имена в предложенную матрицу, чтобы в этом убедиться. Так, выражение «культ Пушкина» возможно и описывает реальную ситуацию в русской культуре, в то время как выражение «Пушкин — культовый писатель» невозможно.

Список писателей в первом случае значительно расширяется, причем в него входят, прежде всего, классики прежних времен. Можно говорить о культе Платона, культе Петрарки, культе Шекспира. В этом списке значительное место занимают русские писатели: Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, А. П. Чехов.

В рассматриваемом словосочетании оценочный характер редуцируется, на первый план выходит отражение объективных процессов мировой культуры. Существенно и то, что сопоставляемые выражения «культовый писатель» и «культ писателя» относятся к разным дискурсам. В первом случае выражение не выходит за пределы обыденной речи, во втором — может стать научным термином. Именно эту возможность слова «культ» применительно к писателю мы попробуем проанализировать.

Академический «Словарь русского языка» устанавливал два его значения: «**Куль**т, -а, м. 1. Религиозное служение божеству и связанные с этим религиозные обряды. *Куль*т Диониса в древней Греции. 2. перен.: кого-, чего-л. Поклонение кому-, чему-л., почитание кого-, чего-л. *Куль*т личности. *Куль*т разума. *Куль*т

красоты»¹. В «Словаре иностранных слов» находим те же определения: «Культ [*лат. cultus* уход, почитание] — 1) религиозное служение божеству и связанные с этим обряды; 2)* преклонение перед кем-л., чем-л., почитание»².

В «Кратком словаре современных понятий и терминов» этого слова нет, хотя, например, есть слово «культура»³, так как к нему добавились новые значения, из чего вытекает, что слово «культ» понимается по-прежнему. И действительно, в новейшем «Современном толковом словаре русского языка» читаем: «Культ, -а, м. [от *лат. cultus* — почитание, поклонение]. 1. Религиозное служение божеству и связанные с этим религиозные обряды. 2. Поклонение кому-, чему-л., почитание кого-, чего-л. *К. личности. К. разума.* < **Культовый**, -ая, -ое. *К. фильм* (оказавший большое влияние, вызвавший подражание)»⁴.

В английском языке, в отличие от русского, зафиксировано (в «Webster's Third International Dictionary») шесть основных значений слова cult, причем шестое — «а) великая или чрезмерная привязанность или поклонение какой-либо личности, идее, литературной или интеллектуальной прихоти или фетишу; б) объект этой привязанности; в) (1) группа людей, характеризующихся такой привязанностью; (2) обычно маленький или узкий круг людей, объединенных привязанностью или преданностью какой-либо художественной или интеллектуальной программе, тенденции или образу», а синонимом определяется слово religion — религия⁵.

Во французском языке выделяется (в словаре П. Робера) — пять значений слова culte, встречающегося в текстах с 1570 г., из них четыре относятся к сфере религии, а пятое, переносное, трактуется как «восхищение, смешанное с почитанием, которое кто-либо испытывает к кому-либо или чему либо», дано несколько синонимов: adoration — восхищение, amour — любовь, attachement — привязанность, d'ivoement — преданность, v'ipiration — почитание⁶.

Сравнение переносных значений слова в английском и французском языках проливает свет на некое умолчание в русских словарях. Для французов слово «культ» имеет явно по-

ложительную эмоциональную окраску. Для англичан, заимствовавших это слово у французов, наоборот, скорее отрицательную. А в русских словарях оно не имеет никакой окраски. Не случайно рядом приводятся примеры на одно и то же значение — культ личности и культ разума. Но между тем всякий русский человек заметит, что «культ» в этих случаях относится к противоположным полюсам эмоциональной сферы.

Однако есть и действительно нейтральные случаи. Очевидно, именно к ним относится словосочетание «культ писателя» для обычного человека. Но оно приобретает окраску (причем, и положительную, и отрицательную) в определенной профессиональной среде — филологической, искусствоведческой, для тех, кто профессионально связан с искусством. Тем самым оно (воспринимаемое как одно понятие) из термина превращается в концепт. Таков, например, концепт «культ Шекспира». Применительно к нему следует сделать существенное уточнение: хотя многие литературоведы, и зарубежные, и отечественные, употребляют его в своих трудах⁷, оно, в сущности, пока еще не имело терминологического значения. Его нужно отнести к «обыденному языку» филологов и искусствоведов, а не к системе терминов филологии и искусствоведения.

Если представление о «культе писателя» (всякий раз конкретизированное, например, «культ Шекспира») признать «филологическим концептом», неизбежно возникает потребность определиться с самим понятием «концепт». Здесь можно опереться на огромную исследовательскую работу, проведенную академиком РАН Ю. С. Степановым и воплотившуюся в его выдающийся труд «Константы: Словарь русской культуры»⁸. С точки зрения Ю. С. Степанова, «в отличие от понятий в собственном смысле термина (...), концепты не только мыслятся, они переживаются. Они — предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений. Концепт — основная ячейка культуры в ментальном мире человека»⁹.

Эти и другие положения, содержащиеся в работе академика Ю. С. Степанова, становятся основополагающими в выработке теоретического взгляда на «культ писателя». Снова

повторим, что в реальной культуре оно выступает в конкретной форме, как в случае с «культом Шекспира».

Остановимся на концепте «культ Шекспира» как на примере, позволяющем в дальнейшем экстраполировать наблюдения и выводы на всю совокупность явлений, описываемых словосочетанием «культ писателя».

В рассматриваемом концепте обнаруживается сочленение двух понятий (в сущности, «кентавров»: понятий-образов), каждое из которых является концептом (и даже константой — постоянно присутствующим в культуре концептом¹⁰) русской и мировой (по крайней мере, западной) культуры (и, следовательно, должно быть подвергнуто предложенной Ю. С. Степановым процедуре вскрытия исторических слоев по принципу, который мы, на основании ряда высказываний ученого, определили бы понятием «масштаб актуальности») и само, объединенное, выступает в относительно узкой среде ученых-гуманитариев и деятелей искусства как концепт уровня константы, при этом может обрести и другую функцию. Речь идет о придании ему ранга термина.

Слово «концепт» (если, опять-таки, исключить ученых) не скрывает в себе концепта, а терминологически обозначает некий общий аспект таких слов, как «любовь», «вера», «дом», «родина» и т. д., в которых сочетание звуков вызывает в сознании некие образы, неясно и по-разному представляемые и при этом переживаемые эмоционально. Если сами концепты трудноопределимы, то термин «концепт» вполне можно подвергнуть системно-логическим операциям, что позволяет решительно продвинуться в сторону преодоления порога неопределимости явления.

То же должно быть отнесено и к понятию «культ Шекспира»: если сам этот исторический феномен достаточно аморфен, «многоформен», трудноуловим для характеристики, то термин «культ Шекспира», будучи встроенным в понятийный аппарат, может способствовать продвижению на пути понимания обозначаемого им явления.

Эти размышления полностью вписываются в тезаурусный подход к исследованию явлений

мировой культуры, который в настоящее время интенсивно разрабатывается¹¹. Тезаурус здесь рассматривается как характеристика образа культуры в субъективном освоении (где субъект — от человека до человечества). В тезаурусе главным становится «свое» (своя культура), а неглавным — «чужое», процесс расширения тезауруса — это «освоение», то есть превращение «чужого» в «свое». Мы бы связали с этим подходом упоминавшуюся точку зрения академика Ю. С. Степанова. В самом деле, определение культуры как «совокупности концептов и отношений между ними»¹² для культурологии неполно, зато для тезаурологии (своего рода субъективной культурологии, так как в этом случае исследователя интересует то, как культурный процесс отражается в сознании субъекта) оно вполне приемлемо. Как бы подтверждая близость к тезаурусному подходу, Ю. С. Степанов включил в «Константы» обширную и глубокую статью «Свои» и «Чужие»¹³.

Культ Шекспира при тезаурусном подходе рассматривается как термин для обозначения весьма значимой константы тезаурусов европейской культуры. Русская культура XIX века в этом случае, в соответствии с концепцией академика Ю. С. Степанова, рассматривается как «ответвление» европейской культуры¹⁴, хотя такое понимание в целом неполно (см., например, работы А. Б. Тарасова о феномене праведничества как специфическом качестве русской культуры¹⁵).

Культ Шекспира как терминологическое обозначение константы культуры должен быть отделен от шекспироведения и «шекспировского вопроса» как терминов, за которыми стоят две относительно самостоятельные области филологической науки, безусловно, связанные с этим культом, но представляющие собой новый этап, когда от поклонения Шекспиру европейцы перешли к его глубокому научному изучению, хотя (особенно в ситуации «шекспировского вопроса») не утерявшему эмоционального накала, присущего восприятию концептов.

«Слоям» рассматриваемой культурной константы необходимо дать не только историческую (от зарождения до расцвета и последую-

щего преобразования), но и пространственную характеристику, что влечет за собой разведение терминов «шекспиризация» (применяется преимущественно к западноевропейской традиции¹⁶) и «шекспиризм» (применяется преимущественно к русской традиции). Таковыми представляются исходные послышки исследования культа Шекспира.

Экстраполируя выводы на более общее представление о «культе писателя», можно утверждать, что у него есть необходимые предпосылки для перерастания из образного выражения обыденной культуры в филологический термин. Для этого необходимо осознать отличие его содержания от обыденного представления о «культовом писателе», разработать систему производных терминов (как в случае с «шекспиризацией» и «шекспиризмом» в рамках «культа Шекспира»), наконец, встроить в систему более общих терминов теории литературы. Тогда «культу писателя», определяемому до сих пор по интуиции, можно будет дать достаточно строгое филологическое и культурологическое определение.

¹ Словарь русского языка: В 4 т. М., 1958. Т. 4. С. 106.

² Словарь иностранных слов / 4-е изд., перераб. и доп. М., 1964. С. 348.

³ Краткий словарь современных понятий и терминов / Н. Т. Бунимович, Г. Г. Жаркова, Т. М. Корнилова и др.; Сост., общ. ред. В. А. Макаренко; 3-е изд., дораб. и доп. М., 2000. С. 284.

⁴ Современный толковый словарь русского языка / Авт. проекта и гл. ред. С. А. Кузнецов. М., 2004. С. 306.

⁵ Webster's Third International Dictionary of English Language Unabridged. Kcлn, 1993. С. 552.

⁶ Robert P. Dictionnaire alphabétique & analogique de la langue française. P., 1967. P. 393.

⁷ См., напр.: Davidhazi P. The Romantic Cult of Shakespeare: Literary Reception in Anthropological Perspective. St. Martin's Press, 1998.

⁸ Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / 3-е изд., испр. и доп. М., 2004. Анализ концепции Ю. С. Степанова представлен в статье, опубликованной в нашем журнале: Луков Вал. А., Луков Вал. А. Константы мировой

культуры в вузе XXI века: концепт «Любовь» // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 4. С. 32–40.

⁹ Степанов Ю. С. Константы. С. 43.

¹⁰ См.: там же. С. 82.

¹¹ См.: Луков Вал. А., Луков Вал. А. Концепция курса «Мировая культура»: тезаурологический подход // Педагогическое образование. 1992. № 5. С. 8–14; они же. Тезаурусный подход в гуманитарных науках // Знание. Понимание. Умение. 2004. № 1. С. 93–100; Луков Вал. А. Молодежь как социальная реальность // Ковалева А. И., Луков Вал. А. Социология молодежи: Теоретические вопросы. М., 1999. С. 126–189; он же. Социальное проектирование / 3-е изд., перераб. и доп. М., 2003; Луков Вал. А. История литературы: Зарубежная литература от истоков до наших дней. М., 2003, 2-е изд., испр. — М., 2005; Вершинин И. В. Предромантические тенденции в английской поэзии XVIII века и «поэтизация» культуры. Самара, 2003; Кузнецова Т. Ф. Формирование массовой литературы и ее социокультурная специфика // Массовая культура. М., 2004. С. 256–280; Есин С. Н. Писатель в теории литературы: проблема самоидентификации. М., 2005; Луков М. В. Телевидение: конструирование культуры повседневности: Дис... канд. филос. наук. М., 2006; и др.

¹² Степанов Ю. С. Константы. С. 40.

¹³ Там же. С. 126–143.

¹⁴ Там же. С. 6.

¹⁵ См.: Тарасов А. Б. Что есть истина? Праведники Льва Толстого. М., 2001; он же. Праведничество в художественном мире Л. Н. Толстого // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 4. С. 139–144; Он же. Моделирование мира праведничества: тезаурусная парадигма Л. Н. Толстого // Тезаурусный анализ мировой культуры. Вып. 1. М., 2005. С. 25–35; он же. Моделирование мира «нового» праведничества: тезаурус А. Платонова и М. Цветаевой // Тезаурусный анализ мировой культуры. Вып. 2. М., 2005. С. 45–54; он же. В поисках идеала: между литературой и реальностью. М., 2006.

¹⁶ Подробнее см.: Луков Вал. А. «Шекспиризация» как принцип-процесс // XV Пуришевские чтения: Всемирная литература в контексте культуры: Сб. статей и материалов. М., 2003. С. 155–157; он же. Шекспиризация // Компара-

тивистика: Современная теория и практика: (к теории и истории принципов-процессов) // Международная конференция и XIV Съезд англо-Шекспировские штудии: Трагедия «Гамлет»: листов (13-15 сентября 2004 г.); В 2 т. Т. 2. Материалы научного семинара, 23 апреля 2005 Самара, 2004. С. 388-403; он же. Шекспиризация г. (ИГИ МосГУ). М., 2005. С. 3-20.